

Виолетта Зимницкая

В клуб приехало кино

Хорошая новость вмиг разнеслась по деревне. Помнится, шла я в тот день с девчонками из школы. Майское солнце предвещало замечательную погоду, в лесах уже всюду шумела молодая зелёная листва. Машка, Ленка и я стали весело щебетать о том, что будем делать на выходных. Тут-то и появился на нашей дороге Петька Иванов, новый пастух, парень лет четырнадцати-пятнадцати, немногим младше нас.

— Привет, девчонки! — говорит он по-взрослому, а сам держит в руке какой-то прутик. — Слыхали новость?

Мы переглянулись и с любопытством спросили:

— Какую новость?

— Ко мне старший брат погостить приехал, Максим.

— Конечно, слыхали, — мы разочарованно вздохнули и махнули правой рукой. — Это все уж знают.

— Только это не всё! — Петька улыбнулся. — Брат с собой механика привёз, Лёшку Гусарова, который в том году приезжал. Так вот этот механик у нас теперь. Говорит, в субботу кино будет. Во Владимировке уж видали его, завтра и мы поглядим.

— Про что кино-то? Про любовь, надеюсь? — сказала Ленка, самая смелая из нас и, по словам моей мамы, самая «языкастая».

— Про деревню, про парней и девушек. Брату понравилось. К тому ж ещё и двухсерийное! — протянул он важно.

Возвратившись домой, я решила поговорить об этом. Было ясно, что отец разрешил бы в любом случае, а вот с матерью не так. Если она не позволит, значит, дела мои плохи. Тем временем мама, в цветастом платке и домашнем халате, подметала на веранде. Брат Васька, которого встретила возле ворот, сказал, что «гром миновал», и в тот момент стало понятно: лучшей минуты не найти.

— Мама, — начала я робко, — завтра в клубе кино будет. Очень пойти хочется. Отпустишь? — прошу жалостливо.

— Что ещё за кино? — ответила мама строго. — Я тебе на выходные стирку приготовила. Уроки

не сделаны, на веранде и в бане убраться нужно. Даже и не думай. Вот ещё! Глупости!

— Пожалуйста, мама! — настаивала я. — Все девчонки пойдут: Машка, Ленка и другие тоже. А кино интересное, говорят.

— Прямо-таки интересное! И про что ж?

— Про любовь, — отвечаю стыдливо и добавляю: — А ещё про деревню, про хозяйство, как люди живут.

— И зачем смотреть, если всё как у нас? Коров али свиней никогда не видала? — спросила мама таким тоном, что стало страшно. — В наше время не было никакого кина — и ничего, живы-здоровы. И про любовь не знали: кого отец выберет в мужа, за того и выходили. Удумала: видите ли, кино!

На секунду мама о чём-то задумалась — вероятно, о прошлом: о своей юности и молодости, о семейной жизни, которую они с отцом, по её словам, «как кошка с собакой прожили».

— Так и быть, — произнесла она, отступив. — Дам тебе денег, но чтобы в десять дома была.

— Как же я смогу быть дома в десять? Кино двухсерийное. До десяти только одна серия идёт, а вторая до половины двенадцатого. Лучше никуда не пойду! — заявила я. — Зачем ходить, если не узнаю, чем дело кончилось?

— Слышать не хочу! В десять, и без разговоров! Дверь запру — ты меня знаешь. Коли всю работу сделаешь — пойдёшь, не сделаешь — и одной серии не увидишь.

Я так обрадовалась! Стала обнимать её и целовать:

— Спасибо, мама! Спасибо, родная! Ты не представляешь, до чего я теперь счастливая! Всё сделаю, всё, что скажешь.

— То-то же, — ответила мама своим привычным командным голосом. — Это ещё не всё. Мишка с тобой пойдёт, — добавила она.

— Зачем же он пойдёт? — смутилась я. — Подружки обещали зайти за мной. Да и неудобно это. Что он — сторож мне?

Но мама была непреклонной. У неё очень тяжёлый характер. Оно, конечно, понятно: воспитывалась в строгости, росла в многодетной семье, где никто не балует и никого не выделяет. Трудно

нам, детям, с ней приходилось, но мы знали, что родители не выбирают. Конечно, она тоже любила нас, просто не умела этого показывать.

— Знаю я твоих подружек! — запрочитала она. — Особенно Ленку непутёвую эту. Мать на себе весь дом тащит, а ей хоть бы хны! Ничего, не стыдно! Стыдно — в подоле принести, вот что стыдно. Тем летом у Русаковых, помнишь, дочка брюхатая пришла? Видать, кино скучное попало! Какой срам! На неё все пальцем показывали, вот и убёгла девка в город, а мать до сих пор с опущенной головой ходит, людям в глаза смотреть не смеет. Запомни, — мама схватила меня за локоть и грозно прошептала: — Принесёшь в подоле — не дочь ты мне, отречусь, так и знай, а отец убьёт! Не смей, слышишь? — из её глаз покатились слёзы.

Теперь передо мной был совершенно иной человек. Всё-таки сердце не камень, и у такой суровой женщины, какой была моя мама, оно тоже имелось. Спустя годы я поняла, что в те времена так и нужно было с нами. Благодаря дисциплине и строгости из нас получились хорошие люди, трудолюбивые и справедливые, честные и порядочные — словом, достойные граждане Советского Союза. Жаль, что тогда мы не понимали, что всё это только для нашего же блага. Если бы не те запреты и ограничения, сколько бы девчонки загубили свою жизнь!

— Что ты, мама! Я никогда, — испуганно уверяла я, тоже плача. — Если хочешь, пусть Мишка пойдёт со мной, или я дома лучше останусь. Только не плачь!

Слабость прошла. Мама вытерла слёзы большой рабочей рукой.

— Начни со стирки, бельё замочено, — произнесла она так ласково, как только могла.

Я переоделась в домашнее платье и отправилась на кухню. В самом углу коматы огромная деревенская печь. Она была уже затоплена, два таза с бельём стояли на ней. Я знала, что в ближайшие несколько часов мне будет чем заняться. Нагрела воду и перелила её в два ведра: в первом буду стирать то, что не замочено, а во втором — полоскать постиранное. Стирка началась с постельного белья. Самыми первыми из рук выходили наволочки: с ними не было никаких хлопот: они ведь такие маленькие и мараются в меру; так что мои усилия берегутся, но, естественно, ненадолго, до простыней и пододеяльников. Кстати, эти простыни и пододеяльники в большинстве своём были светлыми, часто белыми, и это обстоятельство напрямую сказывалось на том, сколько сил придётся потратить, чтоб их отстирать. Хозяйственное мыло пенилось хорошо! В те далёкие 1960-е годы оно просто царило: им не только стирали бельё, но и мылись в бане. «Используй всё, что под рукой, и не ищи себе другое!» — эту фразу я услышала спустя много лет после того,

как переехала в город, однако именно она лучше всего подходит для описания того места и времени, в котором мы когда-то жили.

Простирать — это одно дело, другое дело — хорошенько отжать. И хотя мне было уже шестнадцать и я считалась первой маминной помощницей, однако подобное занятие давалось тяжело. Но я знала, что, кроме меня, некому. Моей сестрёнке Катьке было всего восемь, в её руках ещё нет сил для такой трудной женской работы. Мама тоже не может заниматься этим: руки и спина уже постоянно болят — конец шестого десятка даёт о себе знать.

А как же после стирки у меня болели руки! Заусенцы, пальцы, запястья! Плечи ныли. Пододеяльники были мокрыми, тяжёлыми от воды. Скручивала их сначала в одну сторону, затем — в другую. Мне не хватало сил, чтоб отжать их до конца. Больше всего на свете я не любила это занятие.

Из-за стирки в моей семье частенько случались ссоры. Отец был мягче характером, понимал, что трудно мне приходится, невесток-то нет ещё, поэтому и предлагал:

— Жена, давай купим стиральную машину. Умногих есть. Чем мы хуже других? И тебе, дочка, легче будет и Катька, может, научится.

Но мама стояла на своём:

— Ничего с твоей дочкой не делается! Пусть стирает. Зато о глупостях будет некогда думать.

На том они и расходились. Тогда, когда предо мною лежали горы грязного белья, я, чуть не плача, думала о том, что нужно было давно купить эту «чудо-машинку» — и дело с концом. Ведь и деньги-то у нас были. Мама получала пенсию колхозницы, мои братья работали на тракторах уже с четырнадцати лет, и отец зарабатывал хорошо: весной и осенью — стриг овец, круглый год — резал быков, коров и всех, кто попадётся под руку, за то ему платили мясом, которое он продавал в городе. И как бы я ни мечтала о стиральной машинке, как бы сильно у меня ни болели руки, я не смела возражать или перечить матери, выпрашивать или, что ещё хуже, требовать и потому мирилась с происходящим.

Вслед за постельным дело дошло и до другого белья: кальсон, платков, платьев, халатов, сорочек и так далее. Всё это по очереди тёрлось хозяйственным мылом, полоскалось, выжималось и развешивалось по бельевым верёвкам во дворе. К шести часам дело было кончено.

После ужина я принялась за уроки. Теперь мы проходили «Войну и мир». У меня в руках толстая книга. В классе их всего несколько штук, и они ходят в гости из дома в дом, от ученика к ученику: завтра её нужно отдать Ленке, а послезавтра Ленка отдаст её Машке. В итоге получится, что к понедельнику мы все успеем прочитать то, что задано.

Признаюсь, учёба давалась нелегко. Возможно, потому что у меня было мало времени на неё, а может быть, потому что многие предметы уж слишком нудные и бесполезные. За ту долгую жизнь, что я прожила, ни котангенсы, ни квадратные корни так и не пригодились. А сколько слёз было пролито за те тройки!

Больше всего мне нравился русский язык, по нему была твёрдая четвёрка. К физике и химии я всегда была равнодушна. Но сильнее всего попила кровь геометрия! Теоремы, доказательства эти! И всё учить нужно, зубрить. А потом задачи: докажите то, докажите это. Мои родители хоть и были неграмотными, но пользу от образования понимали. Они хотели, чтоб я нашла себе хорошую работу, где-нибудь на заводе или фабрике, и «не гнула спину в деревне», как они. Только времени на постижение наук отводилось немного, всегда работы навалом: то живность покорми, то за сестрой присмотри, то обед приготовь — и так до бесконечности.

На следующий день, в субботу, я проснулась рано и сразу принялась за дело. Сначала нужно помыть оставшуюся со вчерашнего вечера посуду: после мясного супа с бараниной тарелки были жирными и неприятными. Я замочила их в горячей воде на полчаса и вышла на крыльцо, чтоб помыть его. Там мне повстречались отец и Мишка. Они говорили о чём-то и курили.

— Доброе утро! — произнесла я радостно и подошла к старшему брату. — Ты не занят вечером?

— Чего это ты спрашиваешь? — ответил он, кашляя.

— Мама разрешила в клуб пойти, но только с тобой.

— Ладно, — сказал Мишка нехотя. — Кино-то хоть занятное?

— Петька-пастух сказал, что хорошее.

Отец посмотрел на нас, а потом заметил:

— Смотрите не задерживайтесь! Мать дверь закроет, домой не попадёте.

Мы кивнули головами в знак согласия.

Было видно, что возможность моего похода в клуб расстроила Мишку. Брат по привычке делал вид, что ему неинтересно кино и он никого не любит, но Катька уже не раз говорила, что «у него кто-то есть», и я почему-то охотно верила в это. Допустим, она права. Мишка лучше б с какой-нибудь девчонкой погулял, чем со мной кино смотреть. Но мамино слово — закон! И, к сожалению, ни поцелуя, ни прогулки под луной ему сегодня не достанется.

— Мама, можно я с ними пойду? — спросила Катька перед самым нашим уходом. — Вдруг брат не уследит? Никого к ней не подпущу! — девочка лукаво взглянула на меня и добавила: — Уж я-то прослежу за ней!

— Нельзя, — ответила мама строго. — Там взрослое кино будет. Нечего делать, — она

подошла к Мишке и спросила: — Ты всё понял? Ни на шаг не отходи от неё! Головой отвечаешь!

— Да понял я, понял, — ответил брат деловито и посмотрел на меня: — Ну что? Собралась?

На мне было самое новое ситцевое платье в мелкий розовый цветочек. Синее. Отец прошлой осенью купил, да только сентябрь холодным выдался, так и не надела его. Теперь же не могла налюбоваться на себя! Такого замечательного платья, как это, ни у кого из девчонок нет!

— Жена, может, и на вторую серию останутся? Не каждый же день к нам кино приезжает, — я была любимицей отца, и ради моей улыбки он был готов сделать невозможное.

— Жду в десять, — ответила мама, и мы вышли из дома.

Уже темнело, но звёзды ещё не появлялись. Брат шёл скорым шагом и держал меня за руку, я не попевала за ним. В какой-то момент этот контроль так взбесил меня. Тогда я вскрикнула:

— Да отпусти ты меня, не сбегу поди!

— Кто тебя знает? Раз родители наказали, то я глаз с тебя не спущу.

— Думаешь, не знаю, что ты бы лучше с кем-нибудь другим прошёлся? Так я не держу тебя, иди. Сейчас до Ленки дойдём, я с ней пойду. Так всем лучше будет.

— Всем, кроме тебя, — ответил он холодно. — В следующий раз не пойду с тобой. Вон Катька просилась, теперь её черёд.

Я промолчала, чувствуя себя виноватой, и мы отправились дальше. Через пару минут к нам присоединились и другие ребята, парни, девушки. Вскоре показалась и Ленка.

— Привет, подружка! — мы, как всегда, обнялись. — Ты опять со сторожем пришла? Как мне тебя жаль! Доколе это будет продолжаться, скажите на милость? Ни шагу не ступить! Что ж за жизнь-то такая?

— Я отвечу, — Мишка подошёл к ней вплотную и произнёс: — Пока замуж не выйдет, до тех пор и будем сторожить. Это ведь дело такое, — он намекнул на что-то, и Ленка замолчала.

— И после замужества не будет мне свободы. Они мне мужа-сторожа найдут, — пошутила я, и брат наконец-то отпустил мою руку.

— Пойдёмте! Начинается! — послышалось в толпе, и все побежали к входу.

Кино было отличное! Выходит, не обманул Петька. Называется «Солдат Иван Бровкин». А сюжет в нём такой. Иван Бровкин считается в своей деревне «непутёвым». Что б ни делал, ничего не получается: и пастух из него никудышный, и шофёр плохой. Советская армия даёт ему ещё одну попытку. Конечно, сначала Ване и здесь тяжело приходится, но ведь человек ко всему привыкает, всему учится. Находясь вдали от любимой, дочери председателя колхоза, парень

тоскует и всякий день отправляет ей любовные письма. Не получая ответа, герой не сдаётся и пишет снова. В конце фильма оказывается, что Любаша не отвечала ему, потому что до неё они не доходили; Самохвалов, скрывавший письма Ивана, остаётся ни с чем — как говорится, насильно мил не будешь; а влюблённые прощают друг друга.

Вторую серию я, разумеется, не увидела. Мишка сразу же поднялся с табуретки и через весь клуб «потацил» меня, как мешок с картошкой, за собой.

— Тебе тоже понравилось? — спросила его, светясь от небывалого счастья.

— Неплохой фильм, со смыслом. Я вот что подумал: раз служба так меняет людей, то я тоже служить хочу. Только отец сказал, что нужно осень ждать. Эх, поскорей бы!

— Согласна, — ответила я. — Только кто ходить за мной станет?

— Васькина очередь настала, а когда и его заберут, станет Катька.

Мы посмеялись.

— Ничего, — продолжала я, — завтра спрошу у Ленки, она расскажет, чем кончилось.

Мама встретила нас у калитки. Мы молча вошли в дом. Старинные часы с кукушкой пробили ровно десять.

Я легла и ещё долго не могла уснуть. Столько мыслей кружилось в голове! Моё сердце отчаянно стучало! Я думала о фильме, семье, школе, подружках, предстоящем замужестве. А потом все мои думы остановились лишь на нём одном, я заснула. Во сне мне казалось, что это не фильм, а явь: что это я, а не Любаша, провожаю и жду своего солдата и что мой солдат не Иван Бровкин, а наш новый сосед Володя Снегирёв, тот парень, что каждое утро оставляет букет из ромашек под моим окном.